

УДК 304.42; 331.101.4
DOI: 10.17223/1998863X/50/9

Е.В. Старикова

БРЕМЯ ТРУДА, ИЛИ КАК НЕ НАДО РАБОТАТЬ

На примере текстов А. Гастева анализируется связь между ранним советским проектом организации труда и включением интеллектуальных компетенций работника в организацию труда при капитализме. Показано, как антропологизация трудовой деятельности времен Центрального института труда – отношение к труду как к самореализации – приводит к интеграции жизни индивида с производственным процессом. Производство становится тотальным, в качестве иллюстрации рассматривается труд фрилансеров – современных работников, как правило, лишенных большинства социальных гарантий.

Ключевые слова: философия труда, постфордизм, А.К. Гастев, фрилансеры, ранняя советская школа управления.

Документальный фильм «Видеократия», снятый в 2009 г. Эриком Гандини [1], демонстрирует нам пошлость и безыскусность итальянского коммерческого телевидения. Один из героев этого искаженного мира пошлых шоу и плоских шуток – простой итальянский парень Рикардо. Рикардо работает на заводе, но мечтает стать звездой ТВ-шоу и поэтому в свободное время репетирует свой звездный образ: смесь Рики Мартина и Жан-Клода Ван Дама, некий танец-каратэ, что получается у него довольно нелепо, впрочем, вполне в духе того формата, в который ему так хочется попасть.

Здесь налицо пассивность героя перед телевизионным потоком, его неспособность активно и критически его воспринимать. Но если мы вспомним про бодрийеровский анализ отношений с телевидением, а точнее, с телевизором, то нас уже не будет удивлять эта пассивность потребления потока без личной обработки. Потому что именно сама покупка данного предмета и является, согласно Ж. Бодрийяру, главным шагом во всей этой истории, тем шагом, который вызван общественным давлением и социальным принуждением и связан с социальным признанием. Если телевизор куплен, то он в качестве функционального предмета должен работать и его стоит смотреть, поскольку именно просмотр обеспечивает рентабельность данной покупки, причем смотреть именно систематически, неизбирательно [2].

Однако нас сейчас интересует не столько искажающий телевизионный фон и его наложение на итальянскую реальность, сколько отношение нашего героя, Рикардо, к труду, к его работе на заводе. В фильме есть несколько кадров трудового процесса, незамутненного грезами о телевизионной славе. Здесь Рикардо стоит у станка, занимается сваркой – в общем, казалось бы, перед нами иллюстрация классического отчужденного труда. «Труд является для рабочего чем-то внешним, не принадлежащим к его сущности... Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя... У себя он тогда, когда он не работает; а когда он работает, он уже не у себя» [3. Т. 42. С. 90].

Здесь же в качестве иллюстрации можно вспомнить, например, известный документальный фильм Луи Маля «*Humain, trop humain*» [4], где он демонстрирует ежедневный рутинный механизированный труд работников автомобильного завода – классический пример власти машин над людьми и одновременно отсылка к бесчеловечному конвейеру заводов Форда. В подтверждение этому мы видим, что о своей работе на заводе Рикардо говорит неохотно – она для него неважна, непрестижна, не нравится девушкам. В качестве таковой (отчужденной, непопулярной, низкооплачиваемой, изматывающей) работа на заводе, среди механизмов, уже традиционно воспринимается как неизбежное зло, дань обществу, и поэтому человеку по возможности следует ее избегать и стремиться реализоваться в некоем идеализированном «творческом, неотчужденном труде». Именно поэтому Рикардо мечтает поменять рутинный механический труд на заводе на «свободный творческий труд» на телевидении, этой мечтой о «настоящей» жизни, в которой у него появится, наконец, и девушка (здесь мы видим и его отложенную на потом сексуальную жизнь), он и живет пока.

Но что-то здесь не так, здесь многое по-настоящему не на своем месте: ведь мы видим, как прекрасно лицо Рикардо в момент работы у станка! Вид Рикардо на заводе нам симпатичен более, чем Рикардо на кастинге в телевизионной студии: его скованные движения и нелепые кривляния в угоду воображаемой телеаудитории лишь оттеняют серьезность, стабильность, самодостаточность его рабочего места. Работа на заводе – о ужас! – имеет вид человекомерной, достойной человека работы.

Чем же хороша работа на заводе? Проиллюстрируем это статьей Леонида Бершидского, вышедшей на аналитическом ресурсе Bloomberg 25 сентября 2018 г., которая посвящена современному пролетариату – фрилансерам [5]. Статья вышла с красноречивым подзаголовком: «*The so-called “future of labor” looks like a relic from Marx’s time*» (Так называемое «будущее труда» выглядит реликтом времен Маркса). Речь в ней идет о проблемах труда фрилансеров.

These mostly educated people spend many hours filling out questionnaires for academic researchers, transcribing audio, even moderating content for social networks, which means watching violent videos or reading hate-filled posts all day. This is not the nicest work, and some of it can even have a lasting psychological impact, yet the “crowdworkers” live in a world without the basic worker protections guaranteed even to holders of most menial real-world jobs. Not only do they earn less than the minimum wage, they are not protected against non-payment. (Эти в большинстве своем образованные люди проводят много часов, заполняя анкеты для академических исследователей, расшифровывая аудио, даже модерлируя контент для социальных сетей, что означает просмотр жестоких видео или чтение заполненных ненавистью постов в течение всего дня. Это не самая приятная работа, и она может даже оказать длительное психологическое воздействие, при этом фрилансеры живут в мире без базовой защиты, гарантированной даже обладателям большинства «черных» рабочих мест в реальном мире. Они не только зарабатывают меньше минимальной заработной платы, но и не защищены от неуплаты.)

В этой статье мы сталкиваемся с описанием бесправности фрилансеров и отсутствия у них каких-либо социальных гарантий, в отличие от самых «за-

худалых» рабочих мест с гарантированным соцпакетом. Поэтому основной вопрос здесь звучит так: должно ли современное общество быть толерантным к работе, в которой не защищены права работника?

Данная статья хорошо иллюстрирует такой феномен, как постфордизм, – современную форму производства, основные отличительные черты которой в сравнении с фордизмом выделяет Паоло Вирно. Прежде всего он указывает на то, что исчезает разница между рабочим и нерабочим временем, возникает кризис общества труда, связанный с тем, что капитал в основе своей опирается уже на информацию и науку, а не на наемный труд. Так, в своей работе «Грамматика множества» Вирно говорит о всеохватывающем производственном процессе, который уже включает в себя существовавшие прежде вне его лингвистически-коммуникативные навыки и политику. «Когда наемный труд побуждает к самостоятельному действию, стимулирует способность к общению и открытость присутствию других, т.е. все то, что предыдущее поколение проживало внутри местных партийных ячеек, можно сказать, что некоторые отличительные черты человеческого животного, и прежде всего его способность иметь язык, обобщаются в капиталистическом производстве. Включение самого *антропогенеза* в способ действующего производства – событие из ряда вон выходящее» [6. С. 72].

Итак, с одной стороны, отчужденный труд – это труд, согласно Марксу, посягающий на сущность человека, но в классическую эпоху хотя бы вне этого труда у человека оставался регион бытия, который принадлежал только ему, а не капиталу (время отдыха и время общения); с другой стороны, как мы видим в практиках постфордизма, – сейчас производство уже ориентируется не столько на сам наемный труд, но включает в себя и те регионы бытия, которые традиционно существовали вне его – лингвистические и политические компетенции человека теперь являются основой новых организационных форм производства [7]. Такого рода отграничение рабочего времени от прочего времени жизни может быть стратегией сопротивления излишнему постфордистскому вовлечению и тотализации производства.

Однако вернемся ненадолго к нашему герою. Работа на заводе гарантирует Рикардо устойчивость его положения – ежемесячная заработная плата, социальные гарантии, она же обеспечивает ему *свободное время*, которое он тратит по своему усмотрению, и здесь уже неважно, насколько бездарно или талантливо он это делает. Так, Рикардо находит время для посещения разноплановых телешоу в качестве зрителя, для прохождения кастингов в телепроекты, для тренировок а-ля ниндзя, и наконец, для съемок в фильме «Видеократия». Именно работа на заводе гарантирует ему все его творческие экзерсисы. В отличие от Рикардо, работник современного «творческого производства» лишен такой роскоши, как свободное время, все его время является временем рабочим, временем, занятым на производстве. И следствием этого, как мы увидели в статье Бершидского, является то, что творческий труд при отсутствии стабильного рабочего места (фриланс) будет столь же отчужденным и не приносящим радости работнику, как труд на заводе времен Тейлора или Форда.

Капитализм – есть животное всеядное. Йоэль Регев характеризует это свойство так: «Способность капитализма интегрировать в себя противостоящие ему силы, превращая подрывающее в легитимирующее и обосновывающее, распространяется на этот раз на бунтарские движения конца шестидеся-

тых. Вот уже более тридцати лет как основой успеха всякого офисного менеджера является способность быть реалистом и требовать невозможного, а „Тысяча плато“ превращается в базисную модель бизнес-плана. В этом новом „проектно-ориентированном граде“ от работника требуется уже не умение исполнять одну и ту же задачу (как в предыдущем, фордистском типе оправдания капитализма); наоборот, залогом успешного функционирования является флексибельность, способность принимать участие в как можно большем количестве взаимно не связанных друг с другом проектов, ежесекундная готовность к перемещению в новые области и пространства» [8. С. 116–117].

Получается, что любой выпад против себя самого капитализм оборачивает себе на пользу (как это произошло недавно с уничтоженной сразу после продажи картиной Бэнкси), поэтому бессмысленно противостоять капитализму, но следует обеспечить себе устойчивость своего рабочего места и, что более важно, отграничить свое свободное, не поглощенное производством время. У Регева единственная фигура, способная к этому, способная в то же время обеспечить подключенность к реальности, но не производящая ничего нового, – это прокрастинатор [Там же. С. 121], но и это слабый выпад, скорее рефлексивный, чем продуктивный в плане социального взаимодействия.

Для того чтобы найти возможные ответы на такой захват со стороны производства, заглянем ненадолго в его историю. Каким образом произошла трансформация капитализма в новую форму? Какие изменения произошли в организации производства, что позволило включить в него интеллектуальные компетенции работников, а не просто организовывать их физический труд? Как труд перестал быть лишь частью жизни и как наша частная жизнь стала частью тотального производственного процесса?

Мне представляется, что особое влияние на формирование этой новой формы капитализма оказали, как бы это ни выглядело парадоксально, советские научные разработки, которые были созданы на базе Центрального института труда (ЦИТ) в 20-е гг. XX в. Они были инициированы одним из создателей ЦИТа Алексеем Капитоновичем Гастевым, которого мы знаем и как поэта, и как революционера, и как теоретика труда [9]. На базе ЦИТа разрабатывались методология и педагогика трудовой деятельности, а также осуществлялась трансформация идей американской школы научного управления, созданной Тейлором, – так появилась «научная организация труда» (НОТ). Если кратко обозначить основное отличие американской организации производства от ее советского преломления, НОТ основана на принципах самоорганизации – каждый работник здесь должен быть работником интеллектуальным, а не просто последовательным исполнителем [10]. Именно на базе такой трактовки труда возникает такой значимый феномен, как производственное искусство, в котором творчество уже не самостоятельный процесс – оно теперь прочно связано с реализацией всего жизненного трудового проекта и поэтому оказывается частью производства. «Если общество преодолело социальные противоречия, связанные с классовой борьбой и неравенством, то это означает, что художник как отдельная профессия начинает постепенно исчезать, уступая место инженеру – будь то инженер на производстве или же инженер социальных интеракций» [11. С. 26].

Для Гастева как выразителя идей своего времени и инженер, и социальный «инженеризм» были крайне важными понятиями. Пафос этих преобразо-

ваний, конечно, в высшей мере гуманистический, но, как ни странно, приведет он не только к началу реализации коммунистического проекта, но главным образом – к трансформации масштабов и способа эксплуатации работника внутри капиталистического производства.

Рассмотрим подробнее, каким образом коммунистический проект трудовой деятельности, разрабатываемый ЦИТ, и преимущественно Гастевым, осуществляет эту фатальную трансформацию. Мы будем рассматривать в основном те тексты Гастева, которые представлены в книге «Как надо работать» [12] (отметим, что в целом работы Гастева вообще мало исследованы в российском научном контексте, хотя, безусловно, этого заслуживают) [13]. Здесь остановимся на двух принципиальных моментах – *формировании трудовой культуры и антропологизации трудовой деятельности*.

Формирование трудовой культуры

Гастев напоминает нам о том, что на работе мы проводим лучшую часть жизни. Но это вовсе не означает необходимости смещаться в сферу творчества и избегать всякой обусловленности, чтобы наполнить жизнь смыслом. Это означает «включить голову», или, как у Регева, «включить свет [прояснения]»¹ – нужно сделать работу сознательной. Вот, например, первое из 16 основных правил труда по Гастеву: «Прежде чем браться за работу, надо всю ее продумать, продумать так, чтобы в голове окончательно сложились модель готовой работы и весь порядок трудовых приемов. Если все до конца продумать нельзя, то продумать главные вехи, а первые части работ продумать досконально» [12. С. 33]. Итак, здесь работник не просто пассивный участник трудового процесса, но он со-участник, со-организатор всего процесса труда. Далее правила НОТ говорят о порядке на рабочем месте, спокойном, плавном вхождении в работу, удобном положении тела, обязательном отдыхе и психологической ловушке успеха. То есть речь всегда идет, несмотря на общий, универсальный характер правил, о конкретном работнике и конкретной работе – той работе, которую ты как работник всегда будешь выполнять осознанно, инициативно и внимательно. Здесь универсальность оборачивается индивидуальной персонализацией данных правил. Работник должен быть включен в трудовой процесс именно потому, что работа – это лучшая часть его жизни и было бы слишком расточительно прожить эту лучшую часть с «выключенным светом». Как раз переосмысление труда внутри ранней советской школы управления позволяет обозначить труд (а речь шла преимущественно о физическом труде) не как отчужденный, но как человекомерный и способствующий творческому раскрытию человеческого потенциала, но не в абстрактном воодушевлении, а в ежедневной упорной работе. По сути дела, коммунистический труд представляет собой с этой точки зрения обратную переработку отчуждения, вымысливание и вчувствование себя в мир посредством осознанного труда. Можно сказать, что постфордизм родился из преодоления отчуждения и как реакция на коммунистический проект осознанного труда.

¹ В этой связи интересно отметить, что особое внимание Гастев уделяет необходимости электрификации всей страны, которую он, можно сказать, понимает в смысле, близком к маклюэновскому расширению человека – в связке технологий с биологией, что способствует созданию нового типа человека, «человека-монтера».

Речь в идеологии ЦИТ идет о целой *культуре труда*, осознанного труда, которая связана прежде всего с настойчивостью и усилиями, – она, по мнению Гастева, необходима, чтобы соответствовать инженерному духу эпохи. Вот некоторые составляющие трудовой культуры, которые, согласно его «*трудовым установкам*», необходимо в себе воспитывать: *острая наблюдательность, любовь к трудовым орудиям, школа трудовых движений, искусство работать с наименьшей затратой силы, экономные движения в пространстве*. Здесь очевиден аспект антропологизации и соматизации труда, т.е. труд – это не просто социально обусловленное и потому насильственное по отношению к человеку действие, но он глубинно связан со становлением человека, расширением возможностей его тела; не случайно человек здесь самоопределяется прежде всего изнутри сферы своей деятельности, он важен самому себе в качестве активно действующего профессионала, и только затем этот профессионал уже годен для всего общества.

Сформированная культура труда должна преодолеть отношение к трудовой деятельности как к деятельности, навязанной извне некими вынуждающими обстоятельствами, – социальное принуждение, и как к деятельности, инспирированной неким азартом и воодушевлением, так как эти состояния быстро проходят, следовательно, истощают силы, а с ними и интерес к работе. Современный культурный человек, согласно Гастеву, должен уметь заставить себя работать сам, причем делать это ежедневно, согласно производственному графику. В этом директор ЦИТа видит более высокий уровень развития человека и общества в целом. Творческий труд не значит только «творческий», но и труд, аскетику и усилие, само творчество в труде уже мыслится как планомерный процесс. Эта установка затем переходит и в технологию ТРИЗ Генриха Альтшуллера. Гастев так характеризует эту сознательную установку в труде: «Только дикарь или только ребенок может проявлять непосредственный интерес при работе или при игре. Для культурного человека не может быть интересен каждый атом его работы. Надо приучаться работать тогда, когда не хочется, тренироваться тогда, когда „нет настроения“» [12. С. 57].

Для столь масштабной цели был сформирован целый институт – Центральный институт труда, в котором задача формирования трудовой культуры преломлялась и в теоретических, и в практических исследованиях. Здесь, конечно, всегда необходимо иметь в виду исторический контекст: молодое советское государство было и послевоенным, и послереволюционным, что не могло не отразиться на стилистике работ Гастева – многие его тексты носят агитационный, пропагандистский и полемический характер, поскольку их содержание следовало донести до широких народных масс. Задача была – сагитировать к самой работе, объяснить, как надо работать, и сформировать трудовую культуру, снять примитивное отношение к труду. Эту сложнейшую задачу – формирования нового трудового мировоззрения, ориентированного на инициативный и ответственный труд, – решали всеми силами ЦИТа.

«В предчувствии этого нового мира мы создаем в Москве Центральный институт труда, который хочет одновременно с технической проблемой электрификации России энергетизировать человека. Здесь далеко не то, о чем говорил Тэйлор; он разрешал лишь или технологическую, или административ-

но-организационную проблему. Мы же хотим биться за новую культуру, которая была бы достойна грядущей электрификации» [12. С. 53].

Трудовая культура, таким образом, представляет собой не только принципиально новый подход к трудовой деятельности, но и существенное преобразование самого человека труда, которое оказывается возможным за счет включения в производство и телесных, и интеллектуальных способностей человека.

Антропологизация трудовой деятельности

Концептуализация труда у Гастева связана не столько с необходимостью увеличивать производительность (хотя, конечно, это был важный аспект, поскольку страну следовало восстановить после ряда исторических потрясений), сколько с конкретной жизнью конкретного работника, включающегося в процесс труда. Все отношения и вся коммуникация здесь сугубо персональны и требуют развития определенных индивидуальных навыков, таких как наблюдательность и культура движений. Именно поэтому в работах Гастева актуализируется главным образом антропологическое видение трудового процесса: труд понимается как важная составляющая жизни каждого человека. Труд и есть подключение (согласно Марксу) индивида к целому обществу.

Антропологические аспекты трудовой деятельности у Гастева проявляются во внимании к предметам и орудиям труда, ведь одной из важнейших составляющих новой трудовой культуры является наблюдательность. Здесь речь идет о воспитании особой новой чувственности, направленной на привычные вещи.

«Наблюдательность мы считаем шагом к жизненному анализу. Только тот человек может серьезно анализировать действительность, точно раскалывать ее на определенные отдельные звенья, кто привык точно наблюдать, быстро фиксировать свое внимание, развязывать своим наблюдением отдельные связанные вещи» [Там же. С. 96]. Такой навык, как наблюдательность, тем самым способствует раскрытию организационного потенциала работника. Что же это за вещи, наблюдать за которыми предлагает Гастев? Это те предметы, с которыми работник взаимодействует в трудовом процессе. «Что угодно: заводской резец, сверло, топор, молоток, лопата, карандаш, цеп, удило, – все это надо признать нашим человеческим сокровищем. Культура орудия шла веками и тысячелетиями, ее создавала стихийная инерция всего человечества. В наше время необходимо изучать какой-нибудь плотницкий топор так же, как биологи изучают кровь, как физики – закон магнетизма» [Там же. С. 44].

Здесь интересным представляется отметить, что антропологический поворот в трудовой деятельности с необходимостью предполагает овеществление человека, человек раскрывается через взаимодействие с вещами и только через вещи. Как справедливо замечает Бруно Латур, «стоит положить глаз на твердые и неизменные вещи, и они становятся мягкими, гибкими, человеческими. Обрати взгляд на людей – и наблюдай, как они превращаются в электрические цепи, автоматические устройства, программный код» [14. С. 169]. Любовь к трудовым орудиям у Гастева и «фиксированное внимание» на любой цели, даже такой, как простой плотницкий топор, – это словно живые

иллюстрации к цитате из статьи. Наблюдательность и активизация вещей – орудий труда и строгие требования к самому работнику (живой машине) – необходимость работать мерно, методично, машиноподобно. Но это и хорошо! В этом уже нет марксовской отчужденности труда, когда работник делается частью бездушного механизма, например станка, потому что здесь всегда присутствует момент включенности в работу, самодисциплины, самоорганизации, самоответственности пусть за небольшой, даже за минимальный, трудовой регион. Вещи более антропоморфны, чем сам человек; человек есть вещь, трудовая единица, но это его сознательный выбор – быть вещьеподобным, активировать вещи и, значит, быть частью трудового процесса.

Трудовая культура в работах Гастева обязательным образом связана с определенной телесной культурой и дисциплиной тела. Это прежде всего двигательная культура, т.е. умение двигаться определенным образом – экономно, без лишних движений, – причем это должно быть характерно не только для трудовых процессов, но и для повседневных практик. Умение двигаться экономно является частью воспитательного процесса нового советского человека. Двигательная культура обязательным образом включает в себя физические упражнения и работу с дыханием – все это на регулярной ежедневной основе.

«Утром – гимнастика для определенного заряда на день. Вечерняя гимнастика для определенного успокоения и устранения тех неудобств, которые получились в организме. Гимнастика – это в то же время и моральное воспитание человека: храброго, решительного, хорошо дышащего, всегда готового к самому реальному действию» [12. С. 100]. Уже на базе этих ежедневных упражнений формируется и культура трудовых движений – *удар, нажим, перенос и подъем тяжестей*.

Практики телесного совершенствования включают в себя также режим дня, хороший сон, жевательную культуру, ежедневный уход за телом – это те моменты, которые большинством, как правило, вообще не проблематизируются и нивелируются как незначимые.

Так, режим дня является важнейшим для трудовой культуры моментом – именно поэтому Гастев фактически закладывает основы для такой современной дисциплины, как тайм-менеджмент (по сути, любой тайм-менеджмент связан с самоменеджментом). Необходимость учета времени позиционируется как одна из главных задач для человека, с этой целью Гастев разрабатывает «хронокарты» для индивидуального учета времени и рекомендует использовать их как минимум каждые полчаса (но лучше – чаще) с целью анализа затрат времени – этого ценнейшего ресурса. Именно «фотография рабочего дня», полученная благодаря хронокарте, позволяет трудящемуся стать «инженером собственного времени».

Итак, внимание к трудовым орудиям, дисциплина тела на повседневной основе и внутри трудовых процессов и управлением временем – вот те основные аспекты трудовой деятельности, которые мы можем обозначить именно как антропологические, так как они связаны с саморазвитием человека.

Марксизм оказывается ближе к пониманию человека, к антропологии, чем к социологии и социальной философии, поскольку именно Маркс сформулировал понятие отчужденного труда, связанного с принуждением и потому разрушительного для человека. Но в противоположность ему должен воз-

обладать труд добровольный, являющийся следствием потребности самого человека в труде и развивающий его «физическую и духовную энергию». Именно на такой труд свободного инициативного человека ориентируется ранняя советская школа управления – научная организация труда. В своей книге «Миссия пролетариата» философ А. Секацкий справедливо отмечает, что труд внутри коммунистического проекта уже обусловлен не извне, но изнутри потребности самого человека в самореализации. «Свободный труд, он же, если угодно, коммунистический труд, он же, если угодно, и сам коммунизм, совсем не обязательно должен быть самым производительным. У него другие параметры и другие задачи. То, что прежде было эпифеноменом (воспроизводство рабочей силы), ставится в качестве свободно избранной цели такого труда. Или, лучше сказать праксиса. При этом труд ближе всего оказывается к идее самореализации, но опять же не в протестантском смысле, не как преумножение и подтверждение наличного (наличной индивидуальной избранности), а как некое первоположение сущего, включающее в себя и правоположение, и даже коррекцию законов природы, прежде всего человеческой природы» [15. С. 94].

Благодаря НОТ оказывается, что труд неотчужденный возможен только как творческий труд, поскольку он всегда уже есть наш индивидуальный проект, связанный с самоопределением себя как человека. В этом смысле помимо трудовой деятельности нет никакого творчества, равно как и наоборот – всякое творчество есть непрерывный тяжелый труд. «Большая цель достижения лишь большим трудом. И отличие гениев, выбравших гигантские цели, от негениев как раз и состоит в умении вкладывать гигантские усилия» [16. С. 66]. Именно такой подход к творчеству отчетливо сформировался впоследствии (1960–1970-е гг.) внутри методик ТРИЗа. Так, для Альтшуллера творчество (а это, как мы помним, «точная наука») было поставлено на конвейер решения конкретных производственных задач с целью устранения существующих там противоречий.

Возвратимся снова к герою «Видеократии» Рикардо – что делает его несчастным? Как раз желание избежать всякого труда – ведь он не стремится в чем-то реализоваться (для этого нужно прикладывать усилия), он хочет стать известным и *не работать* – является желанием паразитарным, ложным, не связанным с проектом самореализации. Вполне возможно, что не будь он отравлен ядом телевидения, он бы смотрел во все глаза – и сделал бы интересную карьеру на своем заводе.

Однако снова что-то не так! – ведь таким образом мы могли бы обозначить проблему и ее решение внутри коммунистического трудового проекта. Но мы понимаем, что все уже не так просто (*мир изменился?*): осознанная включенность в работу и самореализация уже не делают человека счастливым, что понятно на примере с трудом фрилансеров.

Да, мир со времен Тейлора и Форда существенным образом изменился. И оказалось, что коммунистический проект с его гуманным посылом в организации труда, его вниманием к человеку оказался апроприирован внутри капитализма. Теперь уже старая добрая форма эксплуатации оказывается не столь бесчеловечной, как новая, которая становится все глубже и всеохватнее. Механистическое производство как триумф нечеловеческого отношения к человеку, несмотря на всю обрушившуюся на него критику, все же, как ни

парадоксально, оставляло человеку его человечность, отграничивая ее за пределами самого времени производственного процесса. Современное же производство, то, что может быть обозначено термином «постфордизм», стало настолько всеобъемлющим и тотальным, что жизнь конкретного индивида оказывается лишь частным случаем производственного процесса с периодами отдыха и труда. Сюда же можно отнести и различные сценарии потребления отдыха: планирование, туры «все включено» или же, напротив, – «выключись» из мира графиков и расписаний, – все это уже тотализовано временем производства. Иными словами, у человека уже не остается некой ниши, в которой он мог бы быть свободен от производства. Или, снова обращаясь к комментариям Вирно, «частные места» уже не столь актуальны, как прежде, гораздо важнее «общие места».

«Группа болельщиков, религиозная община, партийная ячейка, место работы – все эти „места“, конечно, продолжают существовать, но ни одно из них не является достаточно характерным и характеризующим, чтобы предоставить нам „розу ветров“, или критерий для ориентации, надежный компас, набор определенных привычек, определенных способов говорения / думания. Повсюду, при любых обстоятельствах мы говорим / думаем одинаковым образом, базируясь на фундаментальных и в то же время самых общих логико-лингвистических конструкциях. Этико-риторическая топография исчезает» [6. С. 30].

Немалую роль в этом преобразовании мира сыграла именно советская школа управления, которая с необходимостью включала в производственный процесс все человеческие способности, т.е. изначально предполагала, что *поскольку человек реализуется только на работе, он должен преобразовать трудовой процесс в жизненный проект и использовать для этого все свои навыки, не только трудовые, но и телесные и интеллектуальные*. Интеллектуальные (самосознательные) работники возникли внутри советского производства именно как необходимое следствие критики производства Тейлора и Форда, где работники ценились только за физическую силу и готовность следовать указаниям менеджера. То есть уже изначально советская модель управления была ближе к современному производству, нежели модель фордистская. Именно поэтому тексты Гастева, несмотря на всю спорную с сегодняшней точки зрения риторику, выглядят вполне современными.

Современное производство основано на знании и информации, что и делает этот проект тотальным. От механического производства мы совершили скачок к технологиям, которые, как мы знаем еще со времен Маклюэна, способствуют главным образом расширению человека, т.е. использованию его во всей полноте. Такого рода расширение, по сути, и является требованием перехода от человека как частного случая к человеку универсальному, который отныне всегда является частью общего [производства].

Теперь трудовое место Рикардо на заводе обесценено за счет этого нового требования современного производства – быть максимально в него включенным, но зато оно пока еще оставляет ему свободное время, его «частное место», где проявляются его человеческие усилия. Рикардо презирает свой труд на заводе, но именно этот труд его и освобождает. Он не понимает, где и в чем проявляется его свобода как человека – а она проявляется именно в

наличии у него времени, свободного от производства – в отграничивании частной жизни.

Почему нам нравится Рикардо, работающий за станком? Здесь перед нами визуально зафиксированная ностальгия по «детству» капитализма, когда включенность в производство была для человека только частью времени жизни. Работа на заводе именно поэтому и кажется нам человекомерной, поскольку она не является всеобъемлющей, она лишь частично потребляет для себя человеческое, которое здесь всегда избыточно. Работа на заводе оставляет место для самого человека – как мы видим теперь, из дальнейшего развития производства. Но в то же время, нам не надо забывать, что *и это лишь форма ностальгии* – наше регрессивное стремление сгладить все противоречия и укорениться в настоящем.

Мир изменился и изменится еще – вот ускользящее, шаткое основание для человека. Но именно потому все рецепты человека внутри коммунистического проекта и являются конфликтными по отношению к самому человеку – все дело в устойчивом основании. Только труд как сущностный проект, устойчивая основа для самореализации все еще воссоздает старый сценарий эксплуатации.

Но не только труд делает человека человеком. Обязательный постоянный пересмотр своих оснований как вариант новой нормы (ингуманизм Негарестани [17]), возможно, еще способен на это.

Литература

1. *Видеократия*: о фильме. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/470999/> (дата обращения: 20.11.2018).
2. *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. М. : Академический проект, 2007. 335 с.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М. : Изд-во полит. лит., 1974.
4. *Человечно, слишком человечно*: о фильме. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/33802/> (дата обращения: 20.11.2018).
5. *Bershidsky L.* Gig-Economy Workers Are the Modern Proletariat. URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2018-09-25/gig-economy-workers-are-last-of-marx-s-oppressed-proletarians> (дата обращения: 12.11.2018).
6. *Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М. : Ад Маргинем Пресс, 2013. 176 с.
7. *Старикова Е.В.* Жизнь как часть производственного процесса: некоторые следствия постфордизма // Проблемы управления рыночной экономикой : межрегион. сб. науч. тр. Томск : Изд-во ТПУ, 2015. Т. 1. С. 47–49.
8. *Реgev Й.* Невозможное и совпадение. Пермь : HylePress, 2016. 146 с.
9. *Гастев Алексей Капитонович.* URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гастев,_Алексей_Капитонович (дата обращения: 10.12.2018).
10. *Богданов А.А.* Между человеком и машиной (о системе Тэйлора). СПб. : Прибой, 1913.
11. *Жилев А.* Авангардная музеология. К истории одного пилотажного эксперимента // Авангардная музеология. М. : V-A-C press, 2015. С.15–45.
12. *Гастев А.К.* Как надо работать. М. : Экономика, 1972. 478 с.
13. *Старикова Е.В., Преображенский Г.М.* Поэзия «прозы труда»: научная организация труда А.К. Гастева и ее место в контексте современной теории управления // Вестник науки Сибири. 2018. № 3 (30). С. 83–93.
14. *Латур Б.* Берлинский ключ // Логос. 2017. № 2 (117).
15. *Секацкий А.К.* Миссия пролетариата. СПб. : Лимбус Пресс, 2016. 496 с.
16. *Альтшуллер Г.С.* Как стать гением. Минск, 1994.
17. *Негарестани Р.* Мертвая невеста. URL: <https://syg.ma/@yana-volkova/rieza-nieghariestani-miortvaia-nieviesta> (дата обращения: 15.12.2018).

Ekaterina V. Starikova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: katstr00@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 88–100.

DOI: 10.17223/1998863X/50/9

THE BURDEN OF LABOR, OR HOW NOT TO WORK

Keywords: work philosophy; post-Fordism; Aleksei Gastev; freelancers; early Soviet school of management.

The reason for writing the article is watching the movie *Videocracy*, in which the Italian guy Ricardo wants to work in a TV show and despises his work at the factory. Moreover, in the film, it is the work at the plant that is shown as suitable and meaningful, as opposed to the television show conveyor. The author of the article aims to clarify why alienated labor in a factory seemed to be better than creative work on television. Modern creative work is not such a pleasant activity as the hero of the film dreams of. As an example, the article presents the work of freelancers – modern workers, deprived of any social guarantees and not insured against non-payment. The question is posed of how intellectual work, which has always been thought of as unalienated, creative and conducive to development, turned into a new version of total exploitation. For a possible answer to this difficult question, the author appeals to the early Soviet school of management, especially to Aleksei Gastev and his works on the organization of labor. It is believed that, unlike Taylor and Ford, it was the Soviet school that humanized the work, that is, made it a fundamental project in human life. And indeed it is. Labor in the context of Gastev's works is supposed to be an initiative and conscious process that allows labor operations to be carried out consciously rather than mechanically. The article examines in detail the concept of "labor culture", the creation of which Gastev pays special attention to. In addition, the main points are highlighted on which the anthropologization of labor activity within the Soviet school of management is based: body culture and body discipline, attention to labor tools, time management. However, what should have relieved the worker's fate will eventually turn into a new burden: for example, capitalism adapts to use self-criticism to its advantage, and now the employee needs not only the ability to work mechanically, machine-like, but to work like a human being, it means to use all his/her competencies at work. Thereby, all the time becomes working time, because the worker thinks about work even during non-working hours. Gastev turns out to be a very modern author because in part he was the one who invented this modernity. In the article, besides the texts of Gastev, the texts of Paulo Virno, Yoel Regev, Bruno Latour and Reza Negarestani are used. Labor as the last essential project can be overcome, since not only labor makes a person human. Labor at the plant, which seems to be humane, is only a form of nostalgia for the time when work was not total; therefore, there is no way back. The conclusion is made about further research, for example, on the texts of Negarestani, especially in connection with his Inhumanism project as a constant revision of anthropological grounds.

References

1. Kinopoisk.ru. (n.d.) *Videokratiya* [Videocracy]. [Online] Available from: <https://www.kinopoisk.ru/film/470999/> (Accessed: 20th November 2018).
2. Baudrillard, J. (2007) *K kritike politicheskoy ekonomii znaka* [Toward a Critique of the Political Economy of the Sign]. Translated from French. Moscow: Akademicheskii Proekt.
3. Marx, K. & Engels, F. (1974) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury.
4. Kinopoisk.ru. (n.d.) *Chelovechno, slishkom chelovechno* [Humain, trop humain]. [Online] Available from: <https://www.kinopoisk.ru/film/33802/> (Accessed: 20th November 2018).
5. Bershidsky, L. (2018) *Gig-Economy Workers Are the Modern Proletariat* [Online] Available from: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2018-09-25/gig-economy-workers-are-last-of-marx-s-oppressed-proletarians> (Accessed: 12th November 2018).
6. Virno, P. (2013) *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoy zhizni* [A Grammar of the Multitude. For an Analysis of Contemporary Forms of Life]. Translated from Italian. Moscow: Ad Marginem Press.
7. Starikova, E.V. (2015) Zhizn' kak chast' proizvodstvennogo protsessa: nekotorye sledstviya postfordizma [Life as part of the production process: some consequences of postfordism]. In: Nikulina, I.E., Derevyanchenko, S.S. & Tukhvatullina, L.R. (eds) *Problemy upravleniya rynochnoy ekonomikoy* [Problems of market economy management]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk Polytechnic University. pp. 47–49.

8. Regev, Y. (2016) *Nevozmozhnoe i sovpadenie* [Impossible and coincidence]. Perm: HylePress.
9. Wikipedia.org. (n.d.) *Gastev Aleksey Kapitonovich*. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Gastev,_Aleksey_Kapitonovich (Accessed: 10th December 2018).
10. Bogdanov, A.A. (1913) *Mezhdru chelovekom i mashinoyu (O sisteme Teylora)* [Between Man and Machine (About Taylor's System)]. St. Petersburg: Priboy.
11. Zhilyaev, A. (2015) Avangardnaya muzeologiya. K istorii odnogo pilotazhnogo eksperimenta [Avant-garde museology. To the history of one flight experiment]. In: Zhilyaev, A. (ed.) *Avangardnaya muzeologiya* [Avant-garde museology]. Moscow: V-A-C press. pp. 15–45.
12. Gastev, A.K. (1972) *Kak nado rabotat'* [How to work]. Moscow: Ekonomika.
13. Starikova, E.V. & Preobrazhensky, G.M. (2018) Poeziya “prozy truda”: nauchnaya organizatsiya truda A.K. Gasteva i ee mesto v kontekste sovremennoy teorii upravleniya [The poetry of “prose of labour”: the scientific organization of labour by A.K. Gastev and its place in the context of the modern theory of management]. *Vestnik nauki Sibiri – Siberian Journal of Science*. 3(30). pp. 83–93.
14. Latour, B. (2017) The Berlin Key, or How to Do Words with Things. *Logos – The Logos Journal*. 2(117).
15. Sekatsky, A.K. (2016) *Missiya proletariat* [Mission of the Proletariat]. St. Petersburg: Limbus Press.
16. Altshuller, G.S. & Vertkin, I.M. (1994) *Kak stat' geniem* [How to become a genius]. Minsk: Belarus.
17. Negarestani, R. (n.d.) *Mertvaya nevesta* [The Dead Bride]. [Online] Available from: <https://syg.ma/@yana-volkova/rieza-nieghariestani-miortvaia-nieviesta> (Accessed: 15th December 2018).